

Голос Сюэ Гоузи был очень мягким и легким, и казалось, что ветер рассеется, когда он подует.

Сюэ Цуйпин яростно покачал головой и быстро покачал головой: "Это не твой дядя попросил меня прийти, это я, я думал ..."

Следующие слова были снова прерваны Сюэ Гоузи.

Он застенчиво улыбнулся и, казалось, вздохнул с облегчением: "Дело не в том, что дядя просил тебя прийти. Тетя, ты чуть не напугала меня до смерти. Я думал, дядя причиняет боль только Джункаю, а не мне. Дядя сказал, что Больше всего Это ранит меня. "

С тех пор слова Сюэ Цуйпина больше нельзя было произносить, и ему пришлось поспешно произнести несколько необъяснимых слов, а затем приподнять дверную занавеску, чтобы выйти.

В комнате было очень тихо, глаза маленького мальчика на Кане потемнели, и в них появился след нестареющих превратностей судьбы.

Глядя на такого маленького человечка, Чжао Эр не осмеливался сделать шаг вперед. Через некоторое время я подошел и сел на край канга, нерешительно спросил: "Пес, ты в порядке?"

Глядя на обеспокоенное лицо другого человека, Сюэ Гоузи улыбнулся: "Я в порядке".

Чжаоэр плотно сжал губы и коснулся головы: "Ты веришь в сестру, однажды мы никого не будем просить".

Сюэ Цуйпин ушла, не пообедав, и взяла пакет с семенами пшеницы, который дал ей Чжао.

Никто не знал, что она сказала Чжао, и Чжао повторил ей еще раз. В целом, когда мы обедаем в полдень, лица Чжао и Яна некрасивы, так что Сун и Чжоу проявляют осторожность.

Чжао Эрке никогда не смотрел на него. После того, как рис был поставлен на стол, она взяла две миски, чтобы сначала поддержать рис, а затем подала блюда. Обед небогат, это пшеничный рис, а блюда-скучная белая редька и редис, а также несколько соленых огурцов. Есть также мясо, все из которых очень жирные, и перед мужчинами ставится маленькое блюдо.

Мужчины должны работать на земле, чтобы есть мясо, чтобы быть сильными.

Чжаоэр тоже не хотел есть мясо. Мясо, подгоревшее у Чжоу, было белым и жирным. Она положила несколько горячих блюд и соленых огурцов в миску, как и раньше, но немного, но Чжао внезапно упал в палочки для еды.

"Это всего лишь немного посуды, вы двое можете это съесть? Возрожденный голодный призрак или что?"

Эти слова очень обидны и бьют по лицу, но те, у кого есть хоть какая-то самооценка, не могут этого вынести, но они могут привыкнуть к этому. Так обстоит дело с семьей Чжао. Кто бы ни сделал ее неудовлетворительной, она может вернуться в тошноту различными способами.

Она не была раздражена. Она продолжала собирать посуду. Первоначально она планировала выбрать только их, потому что, по словам Чжао, она намеренно положила еще две палочки для еды.

"Молока нет, собака должна сама себя содержать, и у нее нет хороших добавок. Еда всегда должна быть полной". Затем она внезапно повернула голову и сказала Чжоу: "Тетя, вымойте овощи в следующий раз, когда вы позвоните мне, чтобы выбрать блюдо, и наша семья не из тех семей, которые слишком бедны, чтобы есть, но есть люди, которые учатся дома, и инфантильный старик. Хотя она очень осторожна в своей повседневной жизни, она не из тех, кто не позволяет людям есть".

Говоря о том, чтобы сослаться на Сан и проклинать Хуай, она призналась, что не проиграет ей, особенно она затаила дыхание.

Конечно же, Чжао сразу же разозлился: "Богатые люди терпеть не могут, когда ты так много ешь хайсай. Ты не можешь работать каждый день, и ты можешь есть больше, чем кто-либо другой. Если ты такая глупая девчонка, как ты, если это не наша семья, то меня давным-давно выгнали".

Чжаоэр тут же убрал улыбку: "Бабушка, ты ошибаешься, когда говоришь это. Я вернулся домой в возрасте семи лет, но я ничего не сделал ни внутри, ни снаружи? Когда умер мой отец, я носил сыновнее благочестие, я, когда умерла мать, ждал полгода перед кроватью днем и ночью. Я была невесткой второй комнаты, и я отдала ее второму старику.

"Но, бабушка, не отвергай меня как многогубую внучку, съешь несколько вещей, люди делятся на три или шестьдесят девять. Некоторые люди едят острое и острое, масло на их губах не знает, как его вытереть, замените его на другие. Я съел какую-то гнилую песню Бай и стал большим едоком. У меня в этой семье дюжина цыплят, и я не видел слишком много яиц. Мы с Таоером кормимся каждый день, и мы не знаем, где находятся яйца. Собачья болезнь. После одной игры я уже съел яйцо. Не позволяй мне в следующий раз выращивать эту курицу. Я все равно не смогу это съесть. Тот, кто его съест, вырастит его".

Из-за этого всем трудно смотреть в лицо. Среди них самые красивые-мать и дитя большого дома, красные и белые, как в красильной мастерской.

Я украл свой рот, не натерев его маслом. Чжао выбирает, но не для внука старшего сына, а младший сын и его младший сын, естественно, прикрыты. Лицо семилетнего Цайцзы было жестоким, и он, казалось, хотел что-то сказать, но его потянула Ян.

Четырехкомнатные волосатые яйца все еще маленькие, а рот жадный. Когда я услышал яйца, я ничего не мог с собой поделать. Я крикнул Солнцам: "Мама, я хочу есть яйца, я хочу есть яйца ..."

В тихом холле я услышал резкий детский плач, от которого у меня разболелась голова.

Сун был так расстроен, что заплакал и не смог удержаться, чтобы не шлепнуть его и не сказать: "Какая беда, какие яйца есть, как можно есть яйца для тебя!"

Говоря прямо, кто не жалуется, но терпит.

Яйцо Мао шлепнулось и заплакало громче. Чувства гнева и тревоги Чжао обратились к нему. Когда он увидел это, он внезапно изменил свою цель: "Солнце, ты все еще хорошо проводишь время. Ты избил моего внука".

Солнца всегда боялись Жао и сразу же неловко улыбнулись: "Мама, ты не хочешь есть яйца, у тебя нет яиц для него?" В последнем предложении слышится бормотание, говорящее о том, что глаза подсознательно Смотрят в сторону матери и сына.

Дедушка Сюэ всегда был равнодушен к делам своей невестки, и в этот момент он ничего не мог с собой поделать.

Он выкрасил лицо в черный цвет и похлопал по столу: "Шумно, в чем дело?" Квадратный стол был сфотографирован с прямыми покачивающимися ножками, а посуда подпрыгивала вверх и вниз с хрустящим звуком.

Чжаоэр не притворялся мертвым и горевал по нему: "Дедушка, дело не в том, что бабушка не любит меня и Гоузи за то, что они едят Гесса".

Она поставила миску и пестик на стол и заплакала, закрыв лицо: "Я только что съела немного риса с больным горлом, и даже немного Твоего Синцзи исчезло, поэтому я позвонила Ху Чи Хайсаю и принесла его кому-то. Послушайте, все будут смеяться до смерти, когда увидят это. Если бабушка действительно презирает меня и собаку, почему бы не дать нам отдельную комнату, мы никогда больше не будем есть дома и пить".

Услышав слово "Распад семьи", дедушка Сюэ подсознательно дернулся, крича: "Кто бы ни поделился, никому не позволено упоминать о разрыве!" По-видимому, чувствуя себя слишком резким, он сбавил тон: "Твоя бабушка в беде из-за семьи твоей тети, так что ты будешь сердиться на себя, но ты младший, как ты можешь перечить старшим".

Он повернул голову и снова отругал Чжао: "Каждый день ты говоришь, что долго не помнишь. Ты прожил всю свою жизнь и жил в собачьем брюхе. Для чего там хранятся эти яйца? Что за вонь ты так неохотно ешь! Пришло время поджарить и добавить блюдо для всех".

Таким образом, слова мастера Сюэ преуспели в том, чтобы заставить всех замолчать.

Глаза Чжао Эра блеснули. Она сказала, что хочет разлучить свою семью. Это не было подделкой. Но, к сожалению, она родилась мертвой при первом же выходе. Но также, как мог мистер Сюэ позволить двум спальням разделиться, и это стало семьей, чтобы запугивать двух детей. Кроме того, мистер Сюэ также хотел скрутить всю семью в веревку, чтобы он мог устроить еще одно шоу для семьи Сюэ.

Настаивая на этом и не упоминая об этом, хотя это была ссора, у семьи Сюэ была целая семья.

Чжоу сварил большую кастрюлю яиц и оставил миску для Чжао Эра.

Этот ход немного интригует. Вы должны знать, что жена третьей леди обычно очень сдержанна. Она принадлежит к старому быку в семье Сюэ и редко разговаривает с двумя детьми во второй комнате в будние дни.

Однако Чжаоэр не придавал этому особого значения. У каждого были свои мысли, и она не могла контролировать чужие мысли. Не заставляй ее волноваться.

Она вернулась в дом, неся еду, и, войдя в дверь, улыбнулась Сюэ Гоузи: "Пес, смотри, в полдень будут яйца".

Глядя на яркую улыбку на лице девушки, Сюэ Гоузи увидел сложную вспышку в его глазах.

Хотя он был в доме, в главной комнате не было никакого движения.

Так обстоит дело с Чжао эром, который небрежен и пикантен, и его никогда не волнует, что думают другие люди. Когда-то он сильно беспокоился и всегда чувствовал, что она смущается перед собой, помогает себе, неоднократно не в состоянии убедить его, и из-за чего-то еще она скрывает свое отвращение.

Он не знал, что он лицемерен, неполноценен и глуп, но жаль, что, когда он понял это, было уже слишком поздно.

"Чтобы съесть яйцо, ты ссоришься с бабушкой".

Говоря о словах, он только понял, что раньше не менял неловкую манеру говорить, она бы неправильно поняла. Конечно же, темный цвет вспыхнул на лице Чжаоэра, а затем он улыбнулся и сказал: "Он может есть только Сюэ Цзюнь, и моя собака тоже может есть. Приходи, поешь и помирись, тебе скоро станет лучше".

Смотри, она такая, всегда берет его как ребенка и кусает немного "мою собаку", на самом деле

он уже не ребенок. Психика молодого человека была чувствительной, и "ему" все это не нравилось, но он не знал, как это выразить, поэтому он медленно перерастал в отвращение к отвращению и подсознанию.

<http://tl.rulate.ru/book/38918/1604598>